
ИЗ АРХИВА ЛЕВОНА МКРТЧЯНА*
Письма к М. С. Петровых (1965–1975)

КАРИНЕ СААКЯНЦ

Подаренную в 1969 году Левону Мкртчяну свою книгу «Высокое искусство» Корней Чуковский написал тремя эпиграммами. Каждой из которых он, хоть и в шуточной форме, но воздавал должное тем заявкам Левона Мкртчяна, с которыми тот ворвался в литературу. Как исследователь и пропагандист армянской поэзии:

Меня от хмурых англичан
К своим возлюбленным армянам,
К своим Сарьянам и Зарьянам,
К своим титанам Туманянам
Увлек бурливый Мкртчян.
И я вовек не перестану
Твердить осанну Мкртчяну
Да будет пылкий Мкртчян
Высокой славой увенчан....

Как ярый противник иссушающих душу оригинала буквальных переводов и приверженец высокого искусства перевода:

От буквализма родину ты спас,
Ты дунул на него – и он угас.

Как инициатор и издатель первой (и, как оказалось, единственной прижизненной) книги стихов Марии Петровых «Дальнее дерево» (Ереван, 1968):

Да здравствует могучий Мкртчян,
К священному содружеству армян
Ты приобщил Марию ПетровЯН».

---

* *От редакции:* Левон Мкртычевич Мкртчян (1933–2001) – доктор филологических наук (1971), профессор, заслуженный деятель науки Армении (1981), лауреат Государственной премии Армении (1983), академик НАН РА (1996), заведующий кафедрой русской литературы, декан факультета русской филологии ЕГУ (1979-1999), основатель и первый ректор Российско-армянского (славянского) университета (1998-2001), секретарь Союза писателей Армении (1975-1979). Автор многочисленных работ по армянской и русской литературе, литературным связям, проблемам перевода, инициатор десятков изданий указанной тематики (см. в частности: «Левон Мкртчян. Библиография». Ер., изд. РАУ, 2004. Сост. К.Саакянц).

Публикация материалов из архива Л. Мкртчяна будет продолжена в следующих выпусках серии.

Приобщить Марию «Петровян» к содружеству каких-либо поэтов (а Чуковский именно это имел в виду, поскольку Левон Мкртчян издавал «своих титанов Туманянов», армянских поэтов) было делом непростым. Она была приобщена к содружеству переводчиков, эту роль она выбрала для себя сама и справлялась с ней блестяще. Собственно, Мкртчян узнал ее именно в этой ипостаси: переводчика армянской поэзии. О том, что у Петровых есть собственные стихи, знали только в ее ближайшем окружении. И те, кто был знаком с этими стихами, пытались уговорить поэта опубликовать их. Но безуспешно. И потому, когда «бурливый» и «могучий» Мкртчян издал в Ереване книгу ее стихов, друзья Петровых, восприняв это как подвиг, стали говорить: «Если Левон не сделает за свою жизнь больше ничего, одного только “Дальнего дерева” будет достаточно, чтобы имя его навсегда осталось в истории русской поэзии».

Яков Хелемский в своем очерке «Пусть не гаснет свет в окне Левона...», отметив, что Петровых «...свое оригинальное творчество заслонила первоклассным мастерством переложения на русский язык иноязычной поэзии», продолжает: «Если идея сборника Петровых возникла не у одного Левона Мкртычевича, то в осуществлении ее первенство, бесспорно, принадлежало ему. И вот в 1968 году книга «Дальнее дерево» увидела свет. Прервалось горестное безмолвие Марии Сергеевны. Русские ценители поэзии, несмотря на мизерный тираж книжки (тогда 5000 считалось мизерным тиражом! – К.С.), не только в Ереване, но и в Москве открыли для себя большого поэта... Благодаря Левону была прервана блокада оригинального художника Петровых»¹.

В кругу друзей и знакомых Петровых за ней прочно закрепилась слава бесконечно требовательного к себе и взыскательного поэта, который сам отгородил себя от читателей. В определенной степени это было так. Но не в полной мере. В том же очерке Яков Хелемский пишет: «...Она не умела и не хотела *пробиваться*, предпочитая безмолвие унижительному хождению по редакциям и коридорам издательств, не хотела нарываться на грубые отказы, ибо стихи ее, сугубо личные, – а могут ли истинно лирические строки быть иными? – отвергались бдительными редакторами и внутренними рецензентами как непроходимые и несвоевременные. Однажды пережив такое отталкивание своей рукописи, она гордо прекратила эти попытки, посвятив свой талант переводу. Здесь ей преград не чинили, все же зная цену ее таланту, ярко ощущавшемуся и в переложениях»².

О том, что рукопись однажды была отвергнута, пишет и Левон Мкртчян: «...Петровых не печаталась не потому, что ее не печатали. В 1942 году в “Советском писателе” “зарезали” рукопись ее первой книги как несозвучную эпохе (отрицательные внутренние рецензии были написаны Е. Книпович, В. Виленкиным, А. Митрофановым, О. Резником). Петровых была глубоко оскорблена и с тех пор никому не предлагала своих стихов»³.

---

¹ «Пусть не гаснет свет в окне Левона...». Ер., 2004, с. 127.

² Там же, с. 128.

³ Мкртчян Л. Так назначено судьбой. Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Письма Марии Петровых. Ер., 2000, с. 26. Далее к цитатам из этой книги в тексте указывается страница.

Не предлагала она их и Левону Мкртчяну. Но ему и не надо было предлагать. Достаточно было того, что он, услышав о них, прочитал все, что было опубликовано («Несколько стихотворений Петровых, – пишет Л. Мкртчян, – я нашел в журнале “Знамя” за 1943–1944 годы. Это были стихи, очень непохожие на то, что писали в годы войны и о войне: “Казалось мне, что ненависть – огонь...”, “Мы начинали без заглавий...”, “У меня большое горе...”», с. 20). И, оценив масштабы поэтического дарования Петровых, решил издать ее стихи. И здесь сработало то редкое качество, которым был наделен Мкртчян: он никогда не разбрасывался обещаниями, никогда никого не обнадеживал и, если его осеняла какая-нибудь благородная мысль (кстати, одна из его книг так и называется: «Да придут к нам благородные мысли со всех сторон»), делился ею только после того, как была пройдена определенная часть пути по ее воплощению. Так было и в случае с «Дальним деревом». О том, что он собирается издать книгу, Мкртчян сообщил Марии Сергеевне только после того, как заручился согласием издательства «Айастан» и республиканского Комитета по печати. Тем самым усложнил и без того непростую задачу, поставленную им перед собой: с одной стороны – издатели, требующие рукопись, чтобы включить ее в издательский план, с другой – ни о чем не подозревающая Петровых, которую к той поре никому не удавалось убедить отдать стихи в печать.

В 2000 году Левон Мкртчян издал книгу «Так назначено судьбой. Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Письма Марии Петровых». Сюда же вошли и его дневниковые записи. Хотя по этой книге можно составить впечатление о том, как Мкртчяну удалось уговорить Петровых собрать стихи и представить рукопись к изданию, но эта картина будет полнее, если познакомиться с его письмами поэту. К сожалению, их не так много: письма тогда писались от руки и в единственном экземпляре. Кроме того, некоторые письма Петровых свидетельствуют о том, что они написаны в продолжение очередного телефонного разговора. В архиве Мкртчяна сохранились вторые экземпляры нескольких его писем, отпечатанных на пишущей машинке.

Сохранилась, в частности, копия письма, с которого началась их многолетняя переписка (этим письмом он препроводил посланную Петровых машинопись посвященной ей статьи. Вверху, над машинописью – приписка от руки: «Написано где-то в конце апреля 1965 г.»):

«Дорогая Мария Сергеевна!

Сердечно поздравляю Вас и Арину⁴ с праздником мая. Всех благ Вам и во всем весенних удач!

Вы говорили, что не любите писать письма, оказалось, что и я не большой охотник писать их, хотя, помнится, хвастался Вам, что пишу много и охотно. Хвастался, наверное, потому, что мне у Вас было хорошо – и я захотел как-то себя приукрасить. Чудный был вечер у Вас – так хорошо и открыто о поэзии редко когда приходится говорить, и я Вам благодарен за тот вечер.

Я сделал небольшую статью о Вас, ее изрядно попортили товарищи из

---

⁴ Дочь Петровых, Арина Виталиевна Головачева.

газ. «Коммунист» и согласились в «выправленном» виде напечатать в ближайшее время. Я согласился на выправленный вариант, так как все равно напечатаю когда-нибудь свою редакцию. Это можно будет сделать где-либо в журнале, значительно расширив написанное. А работники газ. «Коммунист» слишком официальные и плохо понимают стихи. Но другой русской газеты у нас нет. А из-за русских стихов трудно писать о Вас в арм. газ.⁵

Здесь в Госиздате в начале 66 года выйдет С. Шервинский⁶. На очереди – Ваша книга. Если бы Вы представили рукопись, она бы уже пошла. Мне говорили в издательстве, что они очень хотят сделать Вашу книгу. Вам уже теперь нужно сделать рукопись и представить издательству. Дело стоящее – не откладывайте его в долгий ящик.

Я прочел Ваши стихи в журнале «Звезда», прочел стихи в «Дне поэзии» и хочу знать новые Ваши стихи. Хочу еще раз попросить Вас прислать мне стихи об Армении. И вообще, хочу знать все о творчестве Петровых. Надо хотеть и надо дерзать. Этим, как видите, я и занимаюсь.

Искренне Ваш Левон».

На это письмо Петровых ответила деликатным отказом:

«Дорогой Левон Мкртычевич!

Благодарю Вас за статью, которая меня глубоко тронула. <...> Спасибо Вам за внимание к моей работе, но только Вы, конечно, меня переоцениваете. К сожалению, я очень и очень мало сделала и думать об этом горько. Слишком много времени ушло на бесплодные раздумья и самобичевание. А жизнь должна быть насыщена трудом непрерывным, тогда она самому человеку памятна и дорога. <...> Благодарю Вас также за Ваше прекрасное письмо. Всего Вам самого доброго от всей души. <...> М.Петровых. 14 мая 65 г.» (с. 102).

К маю 1965 года, когда писалось это письмо, Петровых недостаточно близко была знакома с Мкртчяном и потому не могла знать, что он никогда не отказывался от своих замыслов. Даже самых, казалось бы, неосуществимых. Она не могла знать, что ее отказ никак не мог повлиять на решение Мкртчяна издать ее книгу. Наоборот, он решил еще и проанонсировать издание в московской прессе. Как и обещал, статью, опубликованную в «Коммунисте», он расширил, отредактировал и отправил в редакцию еженедельника «Литературная Россия». 17 декабря 1965 года статья была опубликована под названием «Высокая дружба». В статье Мкртчян, в частности, писал: «...Человек яркого, самобытного таланта, М. Петровых, подобно тенелюбивому растению, всегда была равнодушна к шуму известности. <...> Поэзию М. Петровых высоко ценили Александр Фадеев, Борис Пастернак, и горячо говорит о ней Анна Ахматова: “У нас высоко ценят Марию Петровых как отличную перево-

---

⁵ Об опубликованной в «Коммунисте» статье Л. Мкртчян писал: «Статья была плохо написана да еще и подпорчена редакционными правками. Но все же можно было понять, что автор статьи ценит стихи и переводы Петровых», с. 21.

⁶ Речь о книге: С. Шервинский. Из армянской поэзии. Послесловие [«О Сергее Шервинском»] Л. Мкртчяна. Ер., 1966.

дчицу. Между тем ее перу принадлежат самобытные и точные стихи”. <...> К сожалению, Петровых почти не публикует своих стихотворений. Отдельные ее вещи печатались в годы войны и в послевоенные годы. Сейчас готовится в Армении книга ее стихов и переводов».

В письме Петровых от 19 декабря читаем:

«...Мне бесконечно дорого Ваше доброе внимание. Я благодарна Вам за то, что в Вашей статье Вы назвали двух самых дорогих мне людей – Фадеева и Пастернака. И, конечно, дорого видеть в этой статье имя Ахматовой.

Вы пишете: ... готовится книга.

Я так испугалась, что со страху и в самом деле начну готовить книгу. Вот что Вы натворили! Трудно мне этим заниматься – слишком мучает мысль о том, что главное не написано.

Но я буду работать над книгой. Придется это делать параллельно с текущей работой (переводы), но составление книги поставлю во главу угла.

Все это для меня необычно, и мне очень трудно перебороть себя, но я стараюсь. Спасибо Вам, дорогой друг, за поддержку...» (с.103).

Петровых понимала, что анонс в «Литературной России» – это серьезно, что Мкртчян не отступит от своего решения, и ей не остается ничего, как только начать работу над подготовкой рукописи. «Хотя она писала, что составление книги поставит “во главу угла”, сборник ее стихов складывался мучительно медленно, – пишет Мкртчян. – “Господи, как страшно пробуждение. И такое позднее – зачем?” – терзалась она. А я, между прочим, просил Петровых представить рукопись в ереванское издательство в конце 1966 года, думая, что за год она вполне успеет составить книгу. Я ей писал, что книга стоит в плане выпуска 1967 года» (с. 23).

В начале 1967 года Петровых просит Мкртчяна перенести выпуск книги на следующий, 1968 год: «... Вы сделали для меня так много, может быть, больше, чем кто-либо когда-либо. Вы сдвинули меня. Я думаю о книге. И что самое главное – Вы заставили меня писать. Это важнее, главнее книги. Это все равно, что отвалить камень от похороненного заживо, – вернуть к жизни. А насчет книги...»

Я живу реальными думами о ней, я вытащила из небытия папки со стихами.

Но что самое трудное? Ведь я уже не та, что в этих стихах, а стихов, где я теперешняя, – очень мало, да и смогут ли они войти в книгу – не знаю. Я думала о том, что хорошо бы перевести книгу из плана выпуска этого года в план редакционной подготовки, а в план выпуска включить на следующий, 68-ой год. Это самое лучшее, т. е. единственно возможное. Помогите мне в этом! Весну и лето я отдам на подготовку книги и осенью ее пришлю...» (с. 103–104).

Мкртчян в издательстве, естественно, договорился, но Петровых над рукописью работала по-прежнему очень медленно и тяжело.

Наконец в конце 1967 года (через год после намеченного и обговоренного в издательстве срока) Петровых доверила Мкртчяну большую подборку своих стихов. «Доверила, – как пишет Мкртчян, – с условием, что я никому не

стану их показывать. Говорила, что не может отдавать стихи в печать. Это все равно, что обнаженной показаться людям» (с. 23).

В январе 1968 года Мкртчян пишет ей:

«Дорогая Мария Сергеевна! Конечно, я мог Вам позвонить, но сейчас 2 часа ночи. Я только что приехал из Москвы, где был на юбилее Тарковского. Видел Аришу, она сказала, что Вы болеете. Выздоровливайте, ради бога. Но мне хотелось сказать Вам не только об этом. Сегодня весь вечер (11 января 1968 г. – К. С.) я слышал речи о стихах, хороших стихах. Я думал о Вас и Ваших стихах. И это понятно. Стихи у Вас великие. Я их никому не показывал и не покажу, хотя радость, восхищение так трудно скрывать (горе – легче). Будет так, как Вы этого хотите. А как же иначе? Я хочу, чтобы эти стихи были опубликованы с Вашего согласия. Сегодня я позволил себе сказать Ирине Озеровой, что попрошу у Вас стихи для страницы у них в “Литературной России”. Озерова посмотрела на меня, как на сумасшедшего и самонадеянного человека.

– Вот если бы кто-нибудь на самом деле смог принести нам стихи Марии Сергеевны. Но вот что я Вам расскажу. Однажды Анна Андреевна Ахматова сказала мне: “Напечатайте, пожалуйста, у Вас стихи Марии Сергеевны Петровых. Только не говорите, что я вам об этом говорила”.

Я звоню М. С.Петровых, прошу стихи, она мне говорит: “Стихов у меня нет, есть переводы, я могу Вам дать. Стихов нет”. Мне ничего другого не оставалось, как сказать: “Знаете, а мне Анна Андреевна говорила, что у Вас есть стихи”. “Анна Андреевна могла ошибиться, – спокойно ответила Петровых”.

Дорогая Мария Сергеевна, разве можно так жестоко к себе, к стихам относиться? И неужели мне не удастся уговорить Вас дать стихи в газету, в наш журнал в Армении? Сделайте мне такую честь, пойдите мне навстречу. Ведь без Вашего согласия ничего нельзя сделать. У меня тысяча разных грехов, но к Вашим стихам я отношусь, как к своему сыну, говорю, к сыну, потому что он у меня единственный и самый любимый, у него очень открытые, грустные глаза... Но это уже другая тема. Выздоровливайте. Ваш Левон».

Казалось бы, став обладателем рукописи, которая давным-давно должна была быть представлена издателем, Мкртчян мог тут же передать ее им. Мог, если бы не подумал и о тех, кого в Ереване он убедил в необходимости издать Петровых. Нельзя забывать, что речь идет об отрезке времени после оттепели и о поэте, рукопись которого однажды уже «зарезали» за несозвучность эпохе, да и окружение этого поэта было не особенно идеологически благонадежным: Пастернак, Ахматова, Волошин, Мандельштам. Не исключено было, что и у издательства, и Госкомпечати возникли бы серьезные проблемы с Главлитом⁷. Избежать их можно было в случае, если бы до выхода книги в Армении стихи Петровых появились в центральной печати. Не сомневаясь в резонансе со

---

⁷ «К идее издания книги Петровых в издательстве “Айастан” с самого же начала отнеслись доброжелательно, – пишет Мкртчян. – Но стихов её ни в России, ни тем более в Армении никто не знал. Директор издательства Х. А. Барсегян спрашивал меня, почему Петровых не печатают в России, в русских издательствах, может быть, есть на то веские причины?» (с. 48)

стороны читателей (что было немаловажно), Мкртчян решил опубликовать небольшую подборку в «Литературной России». Сделать это он мог только с одобрения Петровых.

«И все-таки я получил согласие Марии Сергеевны, – пишет Мкртчян, – и отнес ее стихотворения в “Литературную Россию”».

Но прежде со стихами Петровых я побывал у Александра Львовича Дымшица. Я знал, как в глубине души он переживал за людей талантливых и не признанных, а иногда, используя свое имя влиятельного, признанного властями критика, старался им помочь.

Дымшиц позвонил редактору “Литературной России” Константину Поздняеву и сказал, что очень рекомендует ему цикл замечательных стихотворений Марии Сергеевны Петровых.

– Такой поэт и не издается, бедствует, – повторял Дымшиц.

Стихотворения, по которым видно, что Петровых – человек верующий, посоветовал в редакцию еженедельника не относить.

– В книге пусть все это будет. А в газету не надо...⁸

Страница со стихами Петровых была опубликована 1 марта 1968 года и хорошо, восторженно принята читателями» (с. 26).

Сразу после публикации, 6 марта, Петровых пишет Мкртчяну: «<...> Видели ли Вы мою подборку в “Лит.России” от 1 марта? Мне многие звонили и до сих пор звонят – говорят, хорошая получилась подборка. И письма я получила от “благодарных читателей”. Спасибо Вам, Левон. А сегодня позвонил мне Егор (не помню, как его по батюшке) Исаев и предложил книгу в «Советском писателе». Но я поблагодарила и отказалась, сказав, что моя книга сдана уже в из-во “Айпетрат”» (с.108). А еще через десять дней: «...Получила я сегодня договоры и письмо <...> книгу на днях уже сдают в производство, а я еще не читала предисловие. При всём моём безграничном доверии к Вам, Левон, мне хотелось бы его прочитать, – боюсь, что Вы меня слишком хвалите. Пришлите же мне предисловие, пожалуйста, и поскорее!» (с. 111–112).

Л. Мкртчян – М.Петровых:

«31 марта 1968 г.

Дорогая Мария Сергеевна!

Спасибо за замечания по предисловию⁹. Я все выправил, сократил. Те-

---

⁸ Сегодня некоторые исследователи творчества поэтов Серебряного века (в частности, Павел Нерлер) с высоты нашего времени изобличают Ал. Дымшица в его ортодоксальности, в том, что в предисловии к сборнику стихов О. Мандельштама, изданному в «Библиотеке поэта» (Л, 1973), он «правильными» словами рассказывает биографию поэта и вместо того, чтобы назвать вещи своими именами, так пишет о его высылке, будто тот отправился на отдых. Думается, эпизод, рассказанный Л. Мкртчяном достаточно красноречиво характеризует Дымшица. А что касается «правильных» слов, то Левон Мкртчян как-то приводил слова Лихтенберга о том, что «предисловие часто выполняет роль громоотвода». Хорошо, что находились те «правильные» люди, которым удавалось подобрать «правильные» слова для предисловий-«громоотводов» к книгам «неправильных», с точки зрения власти, авторов.

⁹ Замечания М. С. Петровых к предисловию, написанному Л.Мкртчяном для книги «Дальнее дерево», см. в ее письме, датированном концом марта 1968 г. (с. 113).

перь получилось лучше, компактнее. Ссылки на Вас (хотя Вы писали только для меня) я оставил. Это интересно и лучше, чем если бы я сам писал бы о том же. Вообще знаменитое “я сам” не всегда лучший вариант. Что касается меня, то я знаю, что многого не умею.

Стихотворение “Пожалейте пропавший ручей...” я очень люблю именно за то, что оно полно жизни. И нет ничего удивительного в том, что Вы, автор стихотворения, иначе воспринимаете его, чем я, читатель. Я не должен этого бояться.

В стихотворении “Ты не становишься воспоминаньем...” снял, как Вы и велели, одну строфу (“Прибежище мое и божество...”). Сокращать еще две строфы (“Неправда, все полно противоречий...”), думается, было бы неправильно.

Стихотворение “Какое уж тут вдохновенье...” мне очень нравится. Поэтому я и отнес его в “Лит. Россию”. Если же оно не нравится Поздняеву, то это еще не основание для того, чтобы снимать стихотворение из книги. Поздняев его не напечатал, и ладно. А мы его напечатаем. Ничего недостойного в этом стихотворении нет. Кстати, в издательстве пожелали, чтобы я был назван как составитель сборника. Если Вы не возражаете, то я возражать не стану, чтобы не подумали, я из боязни не хочу быть составителем. А вообще легко можно сделать так, чтобы книга пошла без составителя. Вы мне только напишите.

Стихотворение “Дни мелькают...” сниму, хотя мне не хотелось бы этого делать из-за стихотворения Друскина, не имеющего к Вам никакого отношения. Да и никто бы и не подумал, что “чёт и нечет” и “рвёт и мечет” у Вас от Друскина. Но воля Ваша. Стихотворение сниму. “Море” в книгу вошло без последней строфы. “Из ненаписанной поэмы” – тоже вошло. “Ранней утраты” в сборнике нет. Простите, если чем-либо Вас огорчил. Я ведь хотел и хочу, чтобы все было хорошо.

Книга уже подписана в производство, задержали ее из-за моего предисловия. Я не мог отдать им статью, не показав ее Вам.

В Москве я буду дней через десять. Задержался, так как еще не совсем здоров. С Туманяном¹⁰ все решим на месте.

Очень меня опечалила смерть Сельвинского. Я люблю этого поэта. Привет Вам и Арише.

Ваша книга будет объявлена в “Бланке заказа”. Это газета всесоюзного книготорга. Объявлена она будет через три-четыре месяца, к выходу, а может быть, и раньше. Тираж назначили. Не то 3, не то 5 тысяч, точно не помню. Будет книга в конце года. Все зависит от того, как будет продвигаться она в типографии. Конечно, я буду следить за ее продвижением.

Л. М.»

10 апреля 1968 года рукопись наконец была сдана в набор. Видимо, после сдачи рукописи предполагалась выплата гонорара, с чем связано письмо от 17 июня 1968 г.

---

¹⁰ Речь о трехтомнике Ов. Туманяна, над составлением которого тогда Л. Мкртчян работал совместно с Л. Ахвердяном и редактором стихотворенных текстов которого он уговорил стать М. Петровых. Трехтомник вышел в свет к 100-летию Туманяна (Ер., 1969).

«Дорогая Мария Сергеевна!

Денег в издательстве все нет и нет. А получить их надо. Есть один способ. Вам причитается за книгу 60%. После львиного подоходного в чистых рублях – это 1547 рублей. Означенную сумму по гарантийному письму директора издательства можно получить уже теперь в армянском отделении ВУАП (всесоюзное управление авторских прав, как я понимаю). Я здесь в управлении говорил. Но Вам они деньги не могут выписать, так как Вы не входите в число армянских авторов. Вы должны обратиться во Всесоюзный ВУАП, те – сюда, а эти – туда и т.д. Но бухгалтер нашего ВУАП подсказал такой выход: Вы пишете доверенность или на мое имя, или на имя Левона Ахвердяна о том, что доверяете получить причитающиеся Вам одну тысячу пятьсот сорок семь рублей либо Левону Ахвердяну, либо мне. Дирекция выписывает отношение на наш ВУАП, на мое или Ахвердяна имя, здесь нам выписывают деньги и по нашему заявлению: “Прошу выписанные мне деньги – столько-то – отослать Марии Сергеевне Петровых” – деньги пересылают Вам. Но тут есть одно *но*. Этот самый ВУАП 2% из суммы удерживает в свою пользу и сам затем от издательства получает означенную сумму. И еще 2% берут на почте за перевод. Таким образом, из 100 рублей два останутся в ВУАПе, а 2 на почте, выдадут же Вам 96.

Смотрите и решайте. Если можно подождать, то мы эти деньги возьмем из издательства без всякого ВУАПа. Это совершенно точно. Может быть, можно повременить месяц-другой. Мы с Левоном тут будем следить, как появятся деньги, – сразу же Вам вышлют из издательства.

На этот раз письмо у меня какое-то бухгалтерское. В следующем письме напишу Вам о поэзии, о высокой поэзии.

Искренне Ваш Левон».

14 октября «Дальнее дерево» было подписано в печать и в ноябре наконец книга увидела свет. Петровых – Мкртчяну: «Если бы Вы знали, как я волнуюсь, как бьётся сердце! Только что пришла Ваша телеграмма. Спасибо за неё, а уж за всё – такое спасибо, что не выскажешь...».

Как и предполагал Мкртчян, резонанс на книгу был огромный. Оправдались не только его ожидания, но и развеялись опасения издателей: «Когда утром 29 ноября 1968 года я зашёл к Барсегиану, чтобы взять у него из только что полученных им сигнальных экземпляров “Дальнего дерева” экземпляр для Петровых, он дал мне книгу и сказал:

– Ты уверен, что у нас не будет неприятностей?

Но вскоре о книге, изданной у нас, появились в московской периодике восторженные статьи («Литературная газета», «Новый мир», «Литературная Россия»...). О “Дальнем дереве” писали как о лучшей поэтической книге года. Барсегиан был доволен и говорил о “Дальнем дереве” как об удаче издательства. Так оно и было» (с.49).

Однако Левон Мкртчян не собирался ограничиться одной книгой и вынашивал идею о новом сборнике стихов Петровых, об этом свидетельствуют еще некоторые страницы их продолжавшейся и после выхода в свет «Дальнего дерева» переписки:

«14 декабря 1969 г.

Дорогая Мария Сергеевна! “Сверчок” – изумительное стихотворение, очень светлое, очень человеческое. С П А С И Б О! Ведь у меня есть еще другие стихи, не вошедшие в “Дальнее дерево”, – “Немого учат говорить”, “Болдинская осень”, “Нет, мне не страшно, ангел мой земной...”, “Знаю, что ко мне ты не придешь...” – всего около десяти стихотворений. И у Вас, я знаю, есть готовые стихи, но не переписанные и не присланные мне. Думается, в 70 году, Бог даст, будет у Вас книга. Мы ее напечатаем здесь же в Ереване. Из переводов включим Туманяна, Амо Сагияна, Сильву (Капутикян. – **К. С.**), – все, что Вы перевели после “Дальнего дерева”. Можно будет небольшой отрывок включить из “Книги скорби” (Григора Нарекаци. – **К. С.**). И еще я Вам посылаю одно стихотворение Размика Давояна – это молодой и очень талантливый поэт. Правда, я все время пишу, что не надо Вам переводить, что лучше писать свои стихи, но Давоян стоит того, чтобы Вы его перевели, да и стихотворение очень Вам близкое:

Подобно давним и далеким рыцарям,
Я бросил себя во глубину страданий.
Смешавшись с запахами теплых стен-преград,
Приближается ко мне сладкий аромат хлеба души (насущенного хлеба).

Жёлтые холмы сейчас голосят,
Страдание холмов нас восхищает.
Кого я ищу, и что я ищу,
И как это случилось, что я еще живу?

Первый мой день – в страданиях,
И второй день принес мне страдания,
И третий день в страданиях,
И четвертый день был четырежды страданием,
Пятый день – в страданиях,
Шестой день – бесконечные страдания.

Где же, Господь мой, день воскресенья?
Что это за голоса, что входят в пещеры?
Первый мой день в страданиях,
И последний мой день – страдания и боль»¹¹.

«24 июля, 1973

Дорогая Мария Сергеевна!

Был проездом в Москве, а в Переделкино заехать к Вам не смог – виноват! Говорил с Аришей – длинно и нудно. Но Ариша была очень мила и терпелива. А вот обо мне нельзя сказать ни того, ни другого. Это я не потому, чтобы меня пожалели...

---

¹¹ Подстрочный перевод Л. Мкртчяна.

Жизнь у меня в последние несколько месяцев суетная и непонятная. Что-то я пишу срочно, хотя мне все это не нужно. Нужно то, что не срочно... Сегодня, наконец, открылась возможность заняться тем, чем я хочу заниматься. Я хочу сделать (делаю) небольшой сборник поэта XII века Григора Тха. Это замечательный поэт. В нашей “Средневековой Армении”¹² его нет, так как только недавно извлекли Григора из многих рукописей и издали (впервые) на армянском языке книгу стихов. О Григоре я Вам пишу вот по какому поводу. Я очень хочу, чтобы в Вашу новую книгу, которую, надеюсь, Вы готовите, вошли и некоторые Ваши переводы (не как раздел, а вперемежку с Вашими стихами). Это должны быть такие стихотворения, которые Вы сами могли написать, т. е. то, что Вам очень близко как ПОЭТУ! Я Вам посылаю одно стихотворение Григора Тха. Как мне думается, это очень Ваше стихотворение, Григор написал его за Вас еще в XII веке. Поэтому Вы его и переводите, т. е. я хочу, чтобы Вы его перевели. Очень может быть, что я ошибаюсь, что Вам не надо переводить это стихотворение. Поэтому я Вас очень прошу, если стихотворение Вам не понравится, если Вы почему-либо не можете его перевести где-то в середине августа (до середины августа) – напишите мне. Я должен знать, сохранить это стихотворение за Вами или нет¹³. Вот какой я строгий и ультимативный. А вообще не такой...

Вас я все равно люблю и очень хочу, чтобы была новая книга. Пишите мне. Я знаю, Вам трудно писать, но на маленькое письмо от Вас я могу рассчитывать. Правда ведь?

Ваш Левон».

В продолжение этого письма – короткое обращение к дочери Петровых, Арине Головачевой:

«Дорогая Ариша!

Я тебя крепко приветствую из этих самых дачных мест. Все думают, что я здесь веду красивую жизнь, а я работаю. Но объяснить никому невозможно. Знаем, говорят, как в Ялте работают... А я не только работаю, но и Библию читаю. Перечитываю то самое место, где сказано: “От многотой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь”. Перечитываю и все равно умножаю познания. Ведь умножать надо очень много! Привет тебе и поцелуи».

Л. Мкртчян – М. Петровых:

«8 сентября 1974 г.

Дорогая Мария Сергеевна!

---

¹² Речь об изданном Л.Мкртчяном антологическом сборнике «Армянская средневековая лирика». Л., («Библиотека поэта», Большая серия), 1972. (Составление, вступительная статья, примечания Л. Мкртчяна. Редактор – М. Петровых).

¹³ «Стихотворение полезное и чудесное» Григора Тха М. Петровых перевела по подстрочнику Л. Мкртчяна к концу марта 1976 г. В письме от 27 марта она писала: «Стихотворение очень насыщенное, очень “крутое”, при переводе, конечно, многое пропало, о чем горюю. Сохранила, конечно, систему двустиший и обязательную цезуру. Всё, что необходимо и что будет возможно в вёрстке – изменю, исправлю» (с. 189). Впервые было опубликовано в антологическом двухтомнике «Армянская классическая лирика» (Составление, вступительная статья, примечания Л. Мкртчяна. Редактор стихотворных переводов – М. Петровых). Ер., 1977, т. I, с. 233.

Завтра должны быть болгарский поэт Валерий Петров и Ника Николаевна Глен в Ереване. Помню и жду их.

Сегодня смотрел Ваши стихи (неопубликованные). Все-таки многое для книги сделано. Есть стихи великой силы и великой простоты. Вам нужно сделать еще одно усилие, и сборник (новый + стихи из “Дальнего дерева”) будет!

Мне иногда кажется, что Вы меня и любите и ненавидите за то, что я Вас постоянно терзаю идеей новой книги.

Вам, может, даже кажется, что мои напоминания Вас сковывают, что, если бы не я, Вам бы писалось – книга давно бы уже была.

У Вас очень хорошо сказано:

Как были эти годы хороши,
Когда и я стихи писать умела,
Невзрачные, они росли несмело,
И все-таки из сердца, из души.

Я вместе с Вами сожалею, очень сожалею, что Вам не работается, не пишется. Может быть, мне и впрямь не нужно напоминать вам о книге, о том, что нужно ее составить? Может быть, так будет лучше? И не будет сложностей наших отношений.

Я очень люблю Вашу поэзию и Вас, такую преданную поэзии.

Этим летом в Москве я был плох. На Костре¹⁴ произнес плохую речь о К. И. Чуковском – не могу себе простить.

Привет Арише. Ваш Левон».

Л. Мкртчян высоко ценил Петровых не только как поэта, не только как переводчика, но и как блистательного редактора. Очень дорожил мнением Петровых относительно его собственного творчества и, зная о ее строгом, но всегда доброжелательном подходе к нему, посылал ей все предназначенные для публикации свои работы. Так было и со статьей «Война и мир. Портреты и проблемы». В ответ 2 июля 1975 г. Петровых пишет: «...Давно получила Вашу замечательную статью о «Войне и мире», – сразу же её прочитала. Считаю ее лучшей Вашей работой. <...> Меня губит моя медлительность, заторможенность. Вас ничто не губит, но иногда Ваши статьи портила излишняя поспешность! Вы не давали времени себе поостыть, а статье поотлежаться, чтобы увидеть её как бы чужими глазами, чтобы всё было достаточно, т.е. вполне обоснованно. Даже в интересной, значительной работе Вашей о детях у Достоевского есть следы торопливости.

Статья Ваша о Толстом от этого свободна. Прекрасная, глубоко продуманная, умная и отлично написанная статья. <...> Сейчас снова перечитала её, очень сосредоточенно прочитала и впечатление ещё сильнее. Поздравляю Вас, Левон» (с.185–188). Хотя статья произвела на Петровых сильное впечатление, она не удержалась от замечаний. На эти замечания Мкртчян отвечает 21 июля 1975 г. из Дилижана:

---

¹⁴ Заложенная К. И. Чуковским традиция проводить в Переделкино пионерские костры. Проходным «билетом» служили шишки хвойных деревьев, которыми и разжигался костер.

«Дорогая Мария Сергеевна!

Недавно мы с Амо Сагияном написали вам письмо. Амо здесь, в Дилижане. Мы с ним ведем беседы – мудрые и не мудрые...

Сейчас привезли из Еревана Ваше письмо. Оно очень меня обрадовало. Вы, как всегда, так добры ко мне. Спасибо. Я рад, очень рад, что моя статья о “В. и м.” Вам понравилась. А я ведь очень трусил, когда писал эту статью. Еще бы! Толстой, “Война и мир”!!!

Великое Вам спасибо за замечания. Конечно же, я их учту. В Вашем письме есть вещи бесспорные (вместо “убрать мертвых” – “вынести мертвых” и т.д.), есть очень тонкие и ценные наблюдения. Например, о Соне, за которую Вы вступились. И о Наташе, когда она стала женой и матерью (стала самкой)...

Первый том “В. и м.” (перевод Ст. Зорьяна, переиздание) уже вышел. Тираж – 50 тысяч! Моя статья опубликована в качестве предисловия. Я горжусь этим...

На русском языке статью опубликую (где и когда, не знаю) с учетом Ваших замечаний.

Летом я хотел написать о “Господах Головлевых” Щедрина. Меня очень волнует история этой семьи. Но лето проходит, а времени нет и, похоже, не будет. Очень я занят по Союзу писателей¹⁵. Зря я согласился работать в СП. А уйти сразу нельзя – надо поработать, что-то сделать. А то скажут: Мкртчян – бездельник, и мы в нем ошиблись!

Как вам работается? Сделано ли что-нибудь для новой книги? Может быть, все-таки переиздать «Дальнее дерево» с дополнениями? Как я хочу, чтобы Вы работали легко, чтобы Вас не мучили сомнения. Когда работаешь, сомнения и медлительность весьма полезны, но если из-за медлительности и сомнений нельзя работать, к черту их с их пользой. Один только вред, а пользы нет. Польза – не то слово, нет творчества. А должно быть. Должно быть, потому что творчество (поэзия) – это Ваше предназначение, Ваш тяжкий долг.

Пишите.

Не видели ли Вы Гребнева? Что он и как он? Приезжали таджики и говорили, будто он подал заявление на выезд. Не знаю и не верю. Такая это глупость. И зачем все это Гребневу, русскому поэту, деятелю русской культуры?..

Мы с Амо Сагияном читаем новый сборник стихов Беллы Ахмадулиной. Очень талантливо, но не нравится, что-то не получается у нее. Это чувствует и сама Ахмадулина. Она то и дело пишет, что не может писать. Пишет талантливо, даже блестяще, но это не выход.

Амо говорит, что иногда поэт чужой строчкой выражает СЕБЯ. А здесь Ахмадулина своими стихами не может выразить себя. Книга получилась какой-то разорванной, не цельной. Все время вспоминаешь других поэтов, хотя каждое стихотворение в отдельности оригинально.

Иногда мы с Амо спорим. Я вступаюсь за Беллу, как Вы вступились за Соню. Я даже упрямил Амо перевести это вот стихотворение:

---

¹⁵ В мае 1975 г. Л. Мкртчян был избран вторым секретарем правления Союза писателей Армении. Проработал до июня 1979 г.

ДРУГОЕ

Что случилось? Зачем я не могу,
Уж целый год не знаю, не умею
слагать стихи и только немоту
тяжелую в моих губах имею.

Вы скажете – но вот уже строфа,
Четыре строчки в ней, она готова.
Я не о том. Во мне уже стара
Привычка ставить слово после слова.

Порядок этот ведает рука.
Я не о том. Как это прежде было?
Когда происходило – не строка –
другое что-то. Только что? – Забыла.

Да, то, другое, разве знало страх,
когда шалило голосом так смело,
само, как смех, смеялось на устах
и плакало, как плач, если хотело?

Очень нравится – а как это написано! Амо сидит сейчас и переводит эти стихи. Приветы Вам от Амо. Приветы Вам и Арише от меня».

Левон Мкртчян писал: «...Мои газетные статьи о Петровых были плохо написаны. Достоинство их, очевидно, состояло лишь в том, что они были написаны тогда, когда о Петровых не писали. Было видно, что я люблю стихи Марии Петровых, но не умею о них писать: плохая статья, но хороший поступок...

И моё участие в “Дальнем дереве” прежде всего – поступок. Именно это (поступок) имела в виду еврейская поэтесса Рахиль Баумволь. В начале апреля 1969 года она писала мне:

“Спасибо за содержательное и доброжелательное предисловие к сборнику Петровых!

Как гласит русская пословица, «шила в мешке не утаишь», – вот и дошло до меня, что издание этого прекрасного сборника – всецело Ваша заслуга. Вы вполне можете этим гордиться. И пусть кое-кому будет стыдно, что такая великолепная поэтесса, как Мария Сергеевна, издала свою первую книгу не в Москве, где она всю жизнь живет.

Ещё раз – огромное спасибо! Хотя мы с Вами не знакомы, но этот Ваш поступок раскрыл передо мной Вас, как человека и как писателя. Будто я Вас давным-давно знаю.

И вообще я давно лелею надежду побывать в Армении, но всё как-то не выходит.

У меня много друзей-армян. Армяне мне делали много добра, и у меня к ним особенно нежные чувства.

Да мало ли ещё причин, по которым мне глубоко симпатичен этот славный, талантливый народ!»» (с. 37–38).

За «Дальнее дерево» Левона Мкртчяна благодарили многие, многие говорили о его роли в издании книги. Писали об этом Лев Озеров и Яков Хелемский, Юлия Нейман и Евгения Дейч, Елена Николаевская и Анатолий Гелекул, Владимир Адмони и Поэль Карп... В той или иной форме (статьи, предисловия) эти отклики публиковались в посмертных изданиях сборников стихов Петровых. Кроме того, Левон Мкртчян получал письма от читателей. Так, в октябре 1979 г. Левону Мкртчяну из издательства «Советакан грох» прислали адресованное ему письмо москвича Г. М. Миримова. Этим письмом и завершается настоящая публикация:

«Уважаемый тов. Мкртчян! Совсем недавно мне посчастливилось почитать сборник стихов Марии Петровых “Дальнее дерево”. Стихи Марии Сергеевны потрясли меня!

Я получил огромную радость приобщения к творчеству большого мастера и, должно быть, замечательного человека. Такие встречаются не часто и тем обиднее узнавать о них так поздно (я почти одних лет с Марией Сергеевной). Стихи Марии Сергеевны, наверно, мало назвать только самобытными – они и замечательны – в них виден мир человека с большой буквы.

Переводы Марии Сергеевны помогли мне полнее и глубже почувствовать армянскую поэзию, стихи Юлиана Тувима и других поэтов.

Меня интересует сейчас все, относящееся к творчеству Марии Сергеевны и, конечно, в первую очередь ее собственные стихи (переводы так или иначе можно найти, хотя и это не просто).

В сб-ке “Дальнее дерево”, который я видел, стихи не датированы, не датирован и помещенный там портрет работы Сарьяна.

В БСЭ¹⁶ имя Петровых не упоминается! Короткую справку о поэтессе, написанную А. А. Саакянц, я нашел в Краткой литературной энциклопедии (1968 г., т. 5).

Ваше предисловие к сборнику написано с большой теплотой; по видимому, Вы высоко цените и любите творчество Марии Сергеевны; поэтому Вы, наверное, не осудите меня за то, что я обращаюсь к Вам с просьбой.

Сообщите, пожалуйста, мне, публиковалось ли что-либо из работ Марии Сергеевны после 1968 года? Какие, когда и где были публикации, возможно ли их достать или снять с них копии?

Были ли какие работы о Марии Сергеевне? И, наконец, трудится ли Мария Сергеевна? (М. Петровых скончалась 1 июня 1979 г. – **К. С.**). Если да, то большое ей личное спасибо и земной поклон!

Из сборника “Дальнее дерево” я успел переписать несколько стихотворений <...> Теперь перечитываю стихи близким мне людям. Дарю им радость и множу радость свою, ибо “разделенная радость – двойная радость”.

... Но светится твой тайный след
В иных сердцах... Иль это мало –
В живых сердцах оставить свет?

---

¹⁶ «Большая Советская Энциклопедия».

Еще раз извините за мое обращение к Вам с просьбой. Но к кому, если не к Вам?»

К кому же еще можно было обратиться, если не к тому, которому адресованы лучшие из слов благодарности, заключенной в лаконичной дарственной надписи на экземпляре «Дальнего дерева»: «Левону Мкртчяну – автору этого издания. Дорогому другу с любовью и верностью. М. Петровых. 19 янв.1969 г.»...

Ключевые слова: *содружество, инициатива, лирика Петровых, первое издание, Ереван*

ԿԱՐԻՆԵ ՍԱՀԱԿՅԱՆՑ – Լևոն Մկրտչյանի արխիվից: Նամակներ Մ. Ս. Պետրովիխին (1965-1975) – Անվանի գրականագետ, ակադեմիկոս Լևոն Մկրտչյանի գիտական, գրական, կազմակերպչական գործունեության առանձնացող ուղղություններից են եղել հայ-ռուսական գրական կապերի զարգացումը, ընդլայնումն ու ամրապնդումը, ինչն արտացոլվել է նրա հրատարակած գործերում: Նշված առումով արժեքավոր շատ նյութեր են պահպանվել նաև Լ. Մկրտչյանի հարուստ արխիվում: Հոդվածում հրապարակվող նամակները ներկայացնում են, թե ինչպես է իրականացվել Լ. Մկրտչյանի նախաձեռնությունը. XX դարի ռուս կրթաշունչ քնարերգու և հայ պոետների նվիրյալ թարգմանիչ Մարիա Պետրովիխի բանաստեղծությունների առաջին հրատարակությունը՝ 1968-ին Երևանում լույս տեսած «Դալնեե դեբո» գիրքը:

Բանալի բառեր – *միասնություն, նախաձեռնություն, Պետրովիխի լիրիկան, առաջին հրատարակություն, Երևան*

KARINE SAHAKYANTS – From the Archives of Levon Mkrtchyan. Letters to M. S. Petrovikh 1965–1975. – The development of the Armenian-Russian literary relations, their expansion and consolidation have been a notable aspect of scientific, literary, organizational activity of distinguished literary critic, academician Levon Mkrtchyan, which has been reflected in his numerous works. Much valuable information in this regard is preserved in L. Mkrtchyan’s rich archive. The letters published in the article represent the way in which one of L. Mkrtchyan’s initiatives was realized, i.e. the first publication of poems of XX century fine lyric poetess and devoted translator of Armenian poets Maria Petrovikh, i.e. the book “Dalnee Derevo” published in Yerevan in 1968.

Key words: *unity, initiative, lyric poetry of Petrovikh, first edition, Yerevan*